

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-80-88

ФУНКЦИИ ПЕЙЗАЖА В ИЗОБРАЖЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ МИРА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «СНЫ ЧАНГА»

Климчукова В. Н.

Московский государственный областной университет.

105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена прояснению функций пейзажа в художественном мире И.А. Бунина. В рассказе «Сны Чанга» глубокие чувства и переживания героев обрамляют пейзажные картины морской стихии, которые не только отражают психологическое состояние героев, но и выражают философскую, мировоззренческую концепцию автора. Море у Бунина – это некий живой организм, существующий на земле по своим законам, подвластным только высшим силам. Пароход, плывущий по океаническим водам, предстаёт перед нами как крохотная щепочка, не подозревающая о своей ничтожности. Так и человек бессилён перед мощью бытия. Одновременно Буниным утверждается мысль о необходимости духовного развития личности, как единственно возможной силе, противостоящей деградации и распаду.

Ключевые слова: И.А. Бунин, пейзаж, любовь, правда, человеческое бытие, буддизм, христианство, духовность.

LANDSCAPE FUNCTIONS IN THE IMAGE OF WORLD'S CONTRADICTIONS IN I. BUNIN'S STORY "CHANG'S DREAMS"

V. Klimchukova

Moscow Region State University

10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. Article is devoted to clarifying the functions of landscape in I. Bunin's art world. In the story "Chang's Dreams" deep feelings and experiences of characters are framed by landscape patterns of sea elements which not only reflect a psychological state of characters, but also express the philosophical world outlook of the author. The Bunin's sea is a kind of a living organism that exists on the earth by its laws and dependent only on the higher forces. The steamship that floats in oceanic waters, appears to us as the tiny speck which has no idea about its insignificance. Same way is a human powerless before power of life. At the same time Bunin approves thought of need of spiritual development of a personality, as the unique force that resists degradation and decay.

Keywords: I. Bunin, landscape, love, truth, human life, Buddhism, Christianity, spirituality.

Рассказ «Сны Чанга» выделяется из всех произведений, созданных И.А. Буниным в предреволюционный 1916 год. По справедливому замечанию Л.А. Смир-

новой, только этот рассказ, в отличие от других, написанных в данный период, «овеян жаждой передать трагическое противостояние света и тьмы, счастья и горя, красоты и уродства» [4, с. 106].

Произведение посвящено судьбе человека, потерявшего ориентиры, заблудившегося в океане жизни. Единственным спутником капитана остаётся его преданная собака Чанг. Повествование ведётся сквозь призму восприятия животным своего хозяина и мира в целом. Данная манера изложения позволила автору рассказать о всех перипетиях судьбы героя как бы со стороны, но при этом осмыслить всё случившееся изнутри.

Понятие «сон», вынесенное в название произведения, здесь тоже носит особый характер. Так передано состояние Чанга, для которого пребывание во время бодрствования и дрёмы неразрывно соединено с постижением личности хозяина, его философии. Рассказ о настоящем как будто укутан туманом: это и туман над морем, и замутившееся от алкоголя сознание капитана, и «сны» собаки... Сочно, выразительно переданы лишь картины прошлой жизни капитана. Так нарушается обычное представление: минувшее далеко, поэтому призрачно, размыто, день сегодняшний ярок и светел. Повествование усложняется и тем, что о вечных вопросах бытия рассуждают и капитан, и Чанг, и сам автор. Смещение временных пластов, запутанность изложения – свидетельство сложности бытия, невозможности найти героями однозначного ответа на поставленные судьбой вопросы.

Рассказ открывает рассуждение: «Не всё ли равно про кого говорить?

Заслуживает того каждый из живших на земле» [1, с. 549]. Такой зачин согласуется с идейно-философской направленностью произведения, обращённого к осмыслению противоречий земного существования и восприятию некоторых положений даосизма о «единстве жизни». Следует отметить, что в «Снах Чанга» нет однозначной оценки восточной мудрости. Условная форма повествования, когда разумная собака рассуждает о сложных проблемах, усиливает парадоксальность воссозданной атмосферы. Проступают неопределённость, размытость взглядов на сущее. Но автор находит возможность средствами художественной изобразительности дать очевидное, точное его истолкование.

В «Снах Чанга» о древнем учении Востока говорится лишь два раза, причём в оценке самого капитана: «... знаешь ли ты, что такое Тао <...>? Бездна-Праматерь, она же родит и поглощает и, поглощая, снова родит всё сущее в мире, а иначе сказать – тот Путь всего сущего, коему не должно противиться ничто сущее» [1, с. 556]. Главное положение даосизма – всеобщий закон природы, начало, порождающее мир форм. Всё сущее произошло от Дао, чтобы затем, совершив круговорот, снова в него вернуться. Дао – это не только исток, но и конечная цель, завершение бытия.

Непостижимую истину ищет бунинский капитан, запутавшийся в омуте собственных противоречий, в необъяснимых поступках его близких, он всё время мечется между двумя правдами, пытается найти абсолютную для себя: «Было когда-то две правды на свете, постоянно сменявших друг друга: первая та, что жизнь несказан-

но прекрасна, а другая – что жизнь мыслима лишь для сумасшедших» [1, с. 551]. Однако такой взгляд тоже поставлен под сомнение автором.

Описываемым событиям в рассказе автор отвёл шесть лет. За этот отрезок времени резко изменилась судьба моряка, а вместе с ней приобрело и другую направленность его мировоззрение. В период своего плавания на корабле он воскликнул: «А как же великолепна жизнь, Боже мой, как великолепна!» [1, с. 557]. Тогда капитан был счастлив, потому что любил, был полностью поглощён этим величайшим из человеческих чувств. Радостное мироощущение передано символическими красками природы. Неоднократно возникают в рассказе чарующие пейзажи. Они насыщены разными, соответственно местности колоритом и деталями, но все передают красоту, силу, величие окружающих человека просторов. Чангу «не то снится, не то думается» ... «Да, помню: хорошо было жить в жаркий полдень в Красном море!.. О, сколько было света, блеска, синевы, лазури!» [1, с. 559]. Во сне чудится собаке «ясное небо летнего утра и быстро идущего из-под трапа, из машинного отделения, капитана, размытого и выбритого, благоухающего свежестью одеколона, с поднятыми по-немецки русыми усами, с сияющим взглядом зорких светлых глаз, во всём тугом и белоснежном» [1, с. 554]. Удивительно светлый пейзаж зримо передаёт восхищение капитана окружающим его миром, своей жизнью и всем сущим на земле. Несказанно радостно и Чангу видеть своего хозяина во всём великолепии: молодого, грациозно идущего, свежего, надушенного, с ясным взором и блеском в глазах.

Переданные впечатления от давно ушедшего в прошлое плавания играют, на первый взгляд, чисто содержательную роль, конкретизируют обстановку, в которой находится капитан, его внутреннее состояние. Тем не менее, как часто бывает в произведениях Бунина, в весьма пространных описаниях столько отражено «света, блеска, синевы, лазури», так сияет «ясное небо» или лучи «невысокого солнца», что не остаётся сомнения в том, что везде выражено авторское восхищение редкой земной красотой. Даже аравийской пустыне, где «чёрно-коричневые горы», чьи пики «похожи на горы мёртвой планеты», свойственны радужные детали – здесь всё «засыпано сухим золотом» [1, с. 554-555]. Земля, как часть вселенной, несёт в себе исключительную силу и гармонию. А человек лишь в краткие мгновения счастья замечает природное великолепие, а сам лишён этого высшего совершенства.

Нарастают сомнения в душе главного героя, и по мере их нарастания в сознании возникают совсем иные по колориту картины. Постепенно взгляд капитана покрывается печально-мутной пеленой, что подчёркивает символика вечернего солнца: он «смотрел далеко за море, на закат <...>, на винно-красное, лишённое лучей солнце, которое, коснувшись мутного горизонта, вдруг вытянулось и стало похоже на тёмно-огненную митру. <...> Быстро бежал пароход вдогонку за ним, так и мелькали за бортом гладкие водяные горбы, отливающие синелиловой шагренью, но солнце спешило, спешило, – море точно втягивало его» [1, с. 559].

Приближаются страшные перемены в жизни капитана. Его мучитель-

ные переживания по этому поводу воссозданы ассоциацией с заходящим солнцем. Как и оно, главный герой словно погружается в морскую пучину. Наступающий мрак символизирует одиночество и печаль в душе героя; а разбушевавшийся ветер в ночном море – знак приближающейся беды. Однако не только уточнению психологических процессов служит эта сцена.

Нечто безысходное читается в описании видимой капитаном картины. Гармония жизнеутверждающей земной природы вдруг сменилась угрозой неведомой силы, несущей тьму. В подтексте такого пейзажа ощущается прямо не выраженное, но осязаемое противление представлению восточной философии «единства жизни», подчиняющего себе все живые существа. Сам некогда такой гармоничный природный мир несёт в своих глубинах некую адскую энергию. Писатель будто сопоставляет это состояние с душевным переломом капитана и сопереживает ему. Смирения человека с обрушившимся на него горем не было, да и не могло быть. Вот почему в рассказе есть отказ капитана от веры в справедливую милость «Бездны-Прамати». Смена его ощущений отражена в восклицании «как же великолепна жизнь, Боже мой, как великолепна!», которое сменяется противоположным утверждением: «Жутко жить на свете!». Л.А. Смирнова подчеркнула: «В атмосфере распада духовных контактов начинается раздвоение личности, угасание первоначально прекрасного. Ширится в повествовании болезненно выстраданный писателем вывод, вызывая всё новые символические картины смешения сна и действительности в сознании неуверенного в себе

человека, как бы подстерегающий его “слепой и тёмной”, “глухо бунтующей бездны”» [4, с. 108-109]. Думается, личная трагедия капитана представляется автору рассказа общим жестоким законом бытия.

Более того, в самой природной стихии угадываются таинственные силы, притягивающие и одновременно пугающие безграничной мощью. Этот мотив выражен в другом эпизоде, удивительной красочности и глубокого смысла: «Ночь настала, страшная и великолепная. Она была чёрная, тревожная, с беспорядочным ветром и с таким полным светом шумно взметывавшихся вокруг парохода волн, что порою Чанг, бегавший за <...> капитаном, с визгом отскакивал от борта. <...> Ветер с разных сторон сильно и мягко бил из темноты в морду Чанга. Раздувал и охлаждал густой мех на его груди, и, крепко, родственно прижимаясь к капитану, обонял Чанг запах как бы холодной серы, дышал взрытой утробой морских глубин, а корма дрожала, ее опускало и поднимало какой-то великой и несказанно свободной силой, и он качался, качался, возбуждённо созерцая эту слепую и тёмную, но стократ живую, глухо бунтующую Бездну» [1, с. 560].

Мрачные, пугающие процессы в «бунтующей Бездне» переданы, на первый взгляд, с опорой на восприятие собаки, а на деле они усилены и весьма усложнены автором: «Чанг <...> видел, как бороздили чёрную плащаницу моря вспыхивающие и гаснущие полосы белого пламени, <...> как оттуда прибегала порою и с грозным шумом вырастала выше борта и заглядывала в каюту страшная живая волна, – некий сказочный змей, весь насквозь светив-

шийся самоцветными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами, и как пароход отталкивал её прочь и ровно бежал дальше, среди тяжёлых и зыбких масс этого довременного, для нас уже чуждого и враждебного естества, называемого океаном...» [1, с. 561-562].

Здесь наиболее убедительно выражена позиция самого писателя. Он увидел в неведомой стихии океана «довременное естество», то есть исконную, вечную опасность для человеческой жизни. Одновременно художник был покорён красотой могучего движения «живой волны» – «сказочного змея, светившегося самоцветными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами». Эти детали эпизода указывают на иное, по сравнению с даосизмом, освещение таинственного бытия «бунтующей Бездны».

А.А. Моторина заметила: «В основе творчества Бунина лежит чувственное восприятие мира и умение точно отобразить воспринятое» [2, с. 86]. Думается, что художнику было важно не только передать фотографическую точность увиденного, но и выразить в картинах окружающего бытия своё представление о мире. Разбушевавшаяся морская стихия, своеобразно обрамляя чувства и переживания героев, помогает читателю постичь философский смысл рассказа «Сны Чанга». Море у Бунина – это некий живой организм, хаотическая энергия, существующая на земле по своим законам, подвластная только высшим силам, далёким от представлений обычного человека. Пароход же представляется ничтожно малым, не подозревающим о своей немогущности перед пастью «Бездны-Праматери».

В рассказе образ океана исполнен особенной художественной выразительности и глубокой философичности. В нём ощущается материнская первооснова, которая непосредственно связана с всеобъемлющим понятием Дао. Это и есть ключ к толкованию двойственного начала морской стихии. Однако у Бунина она доведена до предела – до страшной и грозной силы «Бездны-Прамати». В древнем китайском учении не было столь трагичной трактовки вечного круговорота и столь жадного стремления к прекрасному.

Писатель разграничивает жизнь капитана на два периода: до измены его жены и жизнь после расставания с ней. Брошенный муж стремился понять произошедшие с ним события: «Главная штука ведь в чём? *Когда кого любишь, никакими силами никто не заставит тебя верить, что может не любить тебя тот, кого ты любишь*» [1, с. 557]. Но он так и не смог ответить на поставленные судьбой вопросы. Его единственное верное наблюдение – это признание самому себе в том, что ни он, ни его супруга не раскрыли сущности друг друга. Отсюда и проистекает разочарование, отчаяние, позже озлобленность капитана. Сочувствуя своему герою, Бунин в рассказе обобщает это состояние людей: «Да ведь все мы говорим “не знаю, не понимаю” только в печали; в радости всякое живое существо уверено, что оно всё знает, всё понимает» [1, с. 559].

С потерей любви гаснет душа капитана. Происшедшая драма снова оттенена Буниным средствами пейзажа и соответствующего ему интерьера: «...довольно мрачная улица, на чердаке пятиэтажного дома <...>. Потолок

у Чанга с капитаном низкий, комната большая и холодная, в ней всегда, кроме того, сумрачно: два окна, пробитые в наклонной стене-крыше, невелики и круглы, напоминают корабельные. Между окнами стоит что-то вроде комода, а у стены налево старая железная кровать; вот и всё убранство этого скучного жилища, если не считать камина, из которого всегда дует свежим ветром» [1, с. 550]. Даже погода отражает внутреннее ощущение капитана и безгранично преданного ему пса: «Погода злая, мрачная, много хуже даже той, китайской, когда Чанг с капитаном встретили друг друга. <...> За гаванью, тоже опустевшей, за туманным от снега заливом слабо видны голые степные берега. Мол весь дымится густым серым дымом: море с утра до вечера переваливается через мол пенистыми чревами...» [1, с. 550]. Причина душевного упадка личности ясна: «Вот уже два года, изо дня в день, занимаются Чанг с капитаном тем, что ходят по ресторанам. Там они пьют, закусывают <...> среди шума, табачного дыма и всякого зловония» [1, с. 557]. Капитан, потерявший главный ориентир в жизни – свою любовь, меняет свой курс, но в ложном направлении. Теперь он не плавает по морям, а блуждает по страшному болоту, поглотившему его целиком, а вместе с ним и Чанга. Это болото обиденной жизни называется унынием, которое ежедневно залива-ется водкой до состояния полного забытья. Хочется вспомнить слова священника Константина Островского: «Дух уныния старается опустошить душу, и часто одержимый этим духом усердно предаётся внешней деятельности, а молитвенное общение с Богом ему становится тягостным до отвра-

щения. <...> уныние <...> делает бессмысленной жизнь человека» [3, с. 71]. Именно состояние уныния рождает у капитана «вторую правду жизни», вызванную опьянением. Этот своеобразный уход от реальной действительности помогает ему на какое-то время забыть о своём горе. Однако память у человека отнять нельзя, она пробивается из-под уже замутнённого сознания и не даёт покоя и без того много пережившему сердцу капитана. Во сне он восклицает: «Да, да! “Золотое кольцо в ноздре свиньи – женщина прекрасная!” Трижды прав ты, Соломон Премудрый!» [1, с. 562].

Единственным трезвомыслящим человеком в произведении можно назвать художника – давнего друга спившегося капитана, о котором почти ничего не сказано. Продолжая своё прозябание в низкопробных ресторанах, главный герой в очередной раз уверяет приятеля в том, что «всё это ложь и вздор, чем будто бы живут люди: нет у них ни бога, ни совести, ни разумной цели существования, ни любви, ни дружбы, ни честности, – нет даже простой жалости. Жизнь – скучный, зимний день в грязном кабаке, не более...» [1, с. 558].

Следует отметить, что высказывания капитана о таком существовании применимы только к его собственной жизни, ибо кроме мрачных, серых дней он не только ничего не видел, но и не хотел видеть и что-либо менять. Он отверг постулаты христианства, которые, безусловно, знал, т. к. был крещён, читал Закон Божий, поэтому достаточно легко воспроизводил цитаты из Библии (в тексте рассказа капитан произносит строки из Книги Иова, Книги Экклезиаста, или Проповедни-

ка). Увлечение восточной философией тоже было недолгим, он разочаровался в даосизме, проповедях Будды. Отсюда и безысходная трагедия, которая завершается смертью: «Проснувшись в одно зимнее утро, Чанг поражается великой тишиной, царящей в комнате. Он быстро вскакивает с места, кидается к постели капитана – и видит, что капитан лежит с закинутой головой, с лицом бледным и застывшим, с ресницами полуоткрытыми и неподвижными...» [1, с. 563]. Капитан умирает внезапно, так и не осознав трагичность своего положения. Но сам создатель этого образа открывает подлинную «третью правду», резко отличную и от смутных представлений обречённого человека, и от аскезы восточных верований.

Донести главное обобщение произведения снова помогают острые переживания собаки. На похоронах Чанг, сам чуть живой от горя, провожает капитана в последний путь. Писатель с чувством волнения и сопереживания говорит о неизбежной закономерности угасания всего сущего на земле. Смерть непреодолима, утверждает Бунин, и, отдавая дань памяти своего героя, автор рисует дивную картину, поразившую даже сердце собаки: «перед Чангом полутёмный готический чертог, красные звёзды огней, целый лес тропических растений, высоко вознесённый на чёрный помост гроб из дуба. Чёрная толпа народа, две дивные в своей мраморной красоте и глубином трауре женщины <...>, – а надо всем этим – гул, громы, клир звонко вопиющих о какой-то скорбной радости ангелов, торжество, смятение, величие – и всё собой покрывающие неземные песнопения» [1, с. 563]. Воз-

вышенная, торжественно-скорбная атмосфера словно сопровождает усопшего. Всё слилось воедино: красота и траур, жизнь и смерть, гибель надежд и мысли о вечном...

Вдруг Чанга будто пронзает чувство и безмерной утраты, и душевного подъёма при виде художника, глаза которого переполнены мукой и одновременно ощущением неразрывной связи с потерявшим самого близкого человека животным: «и глаза их, полные слёз, встречаются в такой любви друг к другу, что всё существо Чанга беззвучно кричит всему миру: ах, нет, нет – есть на земле ещё какая-то, мне неведомая, третья правда!» [1, с. 564]. В финале рассказа усиливается авторский голос, доносящий мысль о том, что любовь – единственная сила, способная сотворить чудо, придать глубокий смысл земному бытию. Бунин убедительно говорит об этом чувстве, как вечном огне, живущем в сердце каждого живого существа, о специфике памяти, в том числе собачьей, способной хранить в себе единение с умирающим человеком: «Если Чанг любит и чувствует капитана, видит его взором памяти, того божественного, чего никто не понимает, значит, ещё с ним капитан; в том безначальном и бесконечном мире, что недоступен Смерти» [1, с. 564]. Л.А. Смирнова выделила основу концептуального видения писателя: «Всем своим творчеством Бунин отстаивал идею коренной перестройки духовного бытия. В “Снах Чанга” это сделано мудрой и уверенной рукой мастера, хотя путь подобного обновления подёрнут как будто непроницаемой тайной. И всё-таки предпринятый спор с вечными постулатами о трагической безысходности человеческой

жизни решается в пользу активизации сознания личности, открытия в её опыте возможностей, пусть недостижимых в настоящем, противостоять силам распада. Здесь, равно как и в глубоком анализе слабой воли, шаткости идеалов, сосредоточено значение поиска художника» [4, с. 109].

Путём выстраданной Чангом и художником боли открыта великая истина – мир духовных ценностей, неподвластных законам краткого и обречённого на смерть существования. Здесь выражен главный для автора смысл рассказа. И не просто выражен, а удивительно ярко воплощён сочетанием разнохарактерных проявлений Прекрасного: обилием теней – «крас-

ных звёзд», освещающих помост с гробом капитана, появлением «двух дивных <...> женщин» и «неземным песнопением» погребального обряда. Уход из жизни капитана вызывает не только глубокое сочувствие к нему, но ощущение вины перед отвергнутым любимой, а затем оступившимся человеком. Поистине просветляющим горькую судьбу капитана моментом становится реакция его приятеля художника и Чанга. Острая боль от утраты друга пробуждает нетленную память о нём и неразрывное единение между собой. Мир, который «не доступен Смерти», по Бунину, и составляет эти духовные ценности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунин И.А. Собр. соч. в 4 томах. Т. 2. М.: Правда, 1988. 592 с.
2. Моторина А.А. Иван Бунин в интерпретации Никиты Михалкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 86-93.
3. Протоиерей Константин Островский. Умереть нам не удастся. Записки и проповеди. Красногорск: Успенский храм, 2001. 240 с.
4. Смирнова Л.А. Прозаики Серебряного века: монография / сост. и послесловие В.А. Скрипкиной. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 360 с.

REFERENCES

1. Bunin I.A. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh. T. 2* [Collected works in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 592 p. (In Russ.)
2. Motorina A.A. Ivan Bunin in the interpretation of Nikita Mikhalkov. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2016, no. 3, pp. 86-93. (In Russ.)
3. Protoierei Konstantin Ostrovskii. *Umeret' nam ne udastsya. Zapiski i propovedi* [We will not be able to die. Notes and sermons]. Krasnogorsk, Uspenskii khram Publ., 2001, 240 p. (In Russ.)
4. Smirnova L.A. *Prozaiki Serebryanogo veka: monografiya* [Prose writers of the Silver century: monograph]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2014, 360 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климчукова Вера Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русской литературы XX века Московского государственного областного университета;

e-mail: klim.vn@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera Klimchukova – candidate of Philological Sciences, head of the department of the Russian literature of the twentieth century at Moscow Region State University;
e-mail: klim.vn@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Климчукова В.Н. Функции пейзажа в изображении противоречий мира в рассказе И.А. Бунина «Сны Чанга»// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 80-88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-80-88

CORRECT REFERENCE

V. Klimchukova. Landscape functions in the image of world's contradictions in I. Bunin's story "Chang's dreams". *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 2, pp. 80-88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-80-88